

ЭСТОНСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
КАФЕДРА ЯЗЫКОВ

Х. МАЙСТЕ, Т. ОЛЬТЕВСКАЯ

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

II

Тарту 1968

Х. МАЙСТЕ, Т. ОЛЬТЕВСКАЯ

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

II.

УДК 37.01:62

Тарту 1968

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. К. Паустовский. Старый чёлн (в сокращении) 3
2. Б. Зубавин. На широком просторе (в сокращении) 10
3. А. Куприн. Куст сирени (в сокращении) 27

ARHIIVKOGU

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

238851

СТАРЫЙ ЧЁЛН

Поезд остановился. Стало слышно, как гудит шмель в оконной занавеске.

— Какая станция? — спросил из купе сонный голос.

— Стоим в пути, — ответил проводник.

Наташа высунулась из окна. До самого горизонта тянулся лес. Над ним стояла чёрная туча. Стаи белых птиц метались перед ней. Загремел гром и покатился над лесом. Он ворчал так долго, что, казалось, обегает кругом всю огромную землю. Он затихал, когда запутывался в чаще, но на просеках и полянах гремел ещё угрюмее, чем раньше.

— Какая гроза! — сказал кто-то за спиной у Наташи. Она оглянулась: в дверях купе стоял её попутчик — молодой режиссёр.

— Какая гроза! Как здорово сделано! — повторил он, всматриваясь в грозовое небо с таким видом, будто оно было театральной постановкой. — Вы не знаете, какие это птицы?

— Не знаю, — ответила Наташа.

— Это дикие голуби, — сказал пожилой лесничий в роговых очках и улыбнулся Наташе. — Как же вы не знаете! А ещё десятиклассница!

— Я горожанка, — ответила Наташа и смутилась.

Поезд вздрогнул и пополз назад. Сразу стемнело. Внезапно ветер рванул занавеску и опрокинул стакан с цветами на столе.

На пол звонко полилась вода.

Как здорово сделано! (разг.)
с таким видом, будто...
горожанин, горожанка

— Kui hästi tehtud!
— sellise ilmega, justkui...
— linnaelanik, linlane

Вдоль окон блеснула молния. Тотчас в лесу что-то страшно и сухо треснуло, будто сломалась большая сосна.

— Что случилось? — спросила плачущим голосом сухая маленькая женщина в пижаме. — Почему мы идём назад?

— Путь впереди размыло, — угрюмо ответил проводник. — Видите, какая гроза! Будем стоять на Синезёрках, пока не починят.

Лес вздрогнул от мутного блеска и казался живым: ветки дрожали от ветра и тянулись к последнему просвету между тучами. Деревья будто цеплялись за уходящее чистое небо и звали на помощь. По крыше вагона тяжело зашумел проливной дождь.

— «Молнии стремителен бег, и разит она тяжким ударом», — неожиданно сказал лесничий.

Режиссёр усмехнулся одними глазами.

— Откуда это? — спросила Наташа.

— Из Лукреция, — ответил лесничий и покраснел.

Лесничий был счастлив и смущён. Он был счастлив потому, что ехал в отпуск в Крым, где не был с детства. В памяти остались обрывистые мысы и плывущий к их подножию откуда-то из страшной дали плеск воды.

Смущали его попутчики. Смущала лесничего их подчёркнутая вежливость с ним, пижамы, разговоры о курортной жизни. Они вели их друг с другом и никогда не обращались к нему. Когда они небрежно говорили о гостиницах, портье и ресторанах, он чувствовал, что до него, лесничего, который надел в дорогу новый серый костюм, им нет никакого дела. Они были проницательны и, казалось, знали, что костюм у него единственный и сшит посредственным портным из Костромы. Он берёт его и завидовал режиссёру, который ничуть не заботился о том, что его пиджак мнётся, а табачный пепел осыпает ослепительный галстук.

усмехнулся одними глазами
портье

— naeratas ainult silmadega
— portjee, uksehoidja

Единственным попутчиком, который не смущал лесничего, была Наташа. У неё всё время от ветра из окон растрёпывались волосы и попадали в глаза песчинки. Однажды лесничий помог ей вынуть песчинку из глаза, но тоже смутился, когда Наташа протянула ему для этого прозрачный, слабо надушенный носовой платок.

«Чёртов провинциал!» ← подумал о себе лесничий.

— Какое славное название — Синезёрки. . . — пробормотал режиссёр. — Синезёрки! Синезёрки! Синие озёра. Это надо запомнить.

— В этих лесах много озёр, — сказал лесничий.

— А вы знаете эти места?

— Да так, немного. . . Лет пятнадцать назад я здесь работал: сажал лес.

— А-а, это интересно! — сказал режиссёр, но по его лицу лесничий понял, что это никому не интересно. — Нам чертовски не везёт! Ведь могла же эта гроза разразиться здесь не сегодня, а завтра!

— Да, действительно, досадно! — согласился лесничий.

Он подумал о том, что уже давно хотел съездить в Синезёрки, на старые места, но всё никак не мог собраться. Вот и теперь поезд простоит в Синезёрках час-два, пока не починят путь, и, кроме знакомой пустынной станции, он ничего не увидит.

— Да, жаль! — вздохнул лесничий.

В Синезёрках было безлюдно. Дождь стих. Из леса пахло сыростью.

Дед Василий перетряхивал в телеге мокрое сено и поглядывал на поезд: «Куда это только ездят люди взад и вперёд, взад и вперёд!»

растрёпываться (разг.)

надушенный

чёртов провинциал

но всё никак не мог собраться

— sassi e. sagraiseks minema

— lõhnastatud

— pagana provintslane

— kuid ikka kuidagi ei saanud ette võtta

Но неожиданно дед Василий заторопился к поезду. Он подошёл к освещённому окну вагона и постучал в стекло.

— Пётр Матвеевич! — крикнул он слабым, срывающимся голосом. — А, Пётр Матвеевич!

За окном стоял лесничий и разговаривал с Наташей. Лесничий взглянул на старика и открыл окно.

— Не узнаёшь? — спросил дед. — А я тебя узнал изда-лека. Как встретились-то, скажи на милость!

— Василий! — крикнул лесничий, быстро вышел из вагона, соскочил на песок и обнял старика. — Живёшь?

— Живу, — ответил дед. — Живу, старею. Забыл ты нас, Пётр Матвеевич, забыл! А без тебя жизнь наша стала никудышная.

— А что? Ты говори прямо.

— Эх, Пётр Матвеевич, Пётр Матвеевич! Лес твой молодой погибает.

— Сгорел? — испуганно спросил лесничий.

— Нет, пожара у нас не было. А с этой весны ест его гусеница. И сейчас уже почти половину съела, проклятая. Новый лесничий никак не управится. Он только то туда, то сюда бумажки пишет — а лес!.. — громко сказал дед и всхлипнул. — Какой лес мы с тобой, Пётр Матвеевич, насадили. Сосна к сосне. Когда я вхожу в него, шапку снимаю: до чего хорош лес!

— Что же поделаешь, Василий! — сказал лесничий и оглянулся. На ступеньках вагона стояла Наташа и слушала жалобы деда.

— Дерево ведь говорить не умеет. Кому оно жаловаться будет? Одному мне, лесному объездчику.

Дед помолчал.

— Пётр Матвеевич, — сказал он умоляюще, — поедем на озеро, поглядим. Ты мне только скажи, чем спасти лес. и поезжай себе, а я как-нибудь сам управлюсь.

срывающимся голосом
до чего хорош лес! = как кра-
сив лес!
лесной объездчик

— katkeva häälega
— metsnik

— Чудак! — сказал лесничий. — Да ведь поезд через два-три часа уйдёт.

— Не уйдёт! — уверенно сказал дед. — Путь на два километра размыло. Завтра в полдень уйдёт, не раньше.

Лесничий снова оглянулся на Наташу. Она всё так же смотрела на деда и вдруг неожиданно сказала:

— Поезжайте, Пётр Матвеевич. Успеете.

— Вы думаете, успею? — спросил лесничий, засмеялся и повторил: — Вы думаете, успею?

— А можно и я с вами поеду? — спросила Наташа.

Дежурный сказал, что путь не починят раньше завтрашнего полудня. Лесничий, дед и Наташа уехали на озеро. Этот отъезд вызвал среди пассажиров недоумение.

Лошадёнка медленно тащила телегу. Колёса скрипели по заросшим травой тёмным дорогам. Глубокая тишина стояла в лесу. Только изредка кричали какие-то птицы. К полуночи тучи ушли, и над вершинами сосен начало переливаться холодными огнями небо. Но Наташа не узнавала звёзд. Созвездия запутались в ветвях деревьев и потеряли знакомые очертания.

«Спи-спи! — крикнула где-то над головой птица. — Спи-спи!»

«Я и так сплю», — подумала Наташа и засмеялась от неожиданного счастья. Ей захотелось, чтобы эта ночь была без конца, чтобы без конца постукивала по корням телега, чтобы всё глуше становился лес.

— Ну, кажется, приехали, — сказал дед.

Стало светлее. Наташа оглянулась и ничего не поняла: звёздное небо лежало у самой дороги и тихо плескалось.

— Озеро! — сказал лесничий. — Сколько в нём звёзд — будто осенью!

Телега остановилась около сторожки. Дед вошёл в сторожку и зажёл лампу.

Наташа выпила молока и тотчас уснула.

Проснулась она очень рано. Белое солище стояло над лесом. В избе никого не было, только чёрный пёс сидел под столом и с любопытством поглядывал на Наташу.

— Как бы не опоздать! — спохватилась Наташа, вскочила, открыла дверь и вышла.

Никого не было. Кругом светлое озеро блестело тут же рядом, и в нём отражались леса. Вода у белого прибрежного песка была чистая и лёгкая. В ней спали маленькие серебряные рыбы.

На берегу лежал старый, разохшийся чёлн. Наташа выкупалась в озере, оделась и подошла к челну. На нём ещё осталась скамейка. Наташа села на неё. Скамейка была тёплая от солнца. В щелях челна проросли высокие травы и цветы. Сильно и сладко пахло сосновыми стружками. Чёрный пёс лёг около челна и зевнул.

«А как же поезд?» — подумала Наташа и удивилась: эта мысль не вызвала у неё никакой тревоги.

Так она просидела около часа. Она слышала, как на полянах за озером тихо переговаривались о чём-то своём журавли, потом крикнула утка, и снова всё стихло.

Первым пришёл дед. Он ласково поздоровался с Наташей, сел на песок около челна и сказал:

— Ты насчёт поезда не волнуйся. Вот я покурю, запрягу лошадь и отвезу тебя на станцию.

— А где же Пётр Матвеевич?

Дед усмехнулся.

— Сейчас придёт. Ему теперь всё нипочём.

— А что такое? — испугалась Наташа.

— Расскажет, — ответил дед. — Ты слушай. Челну этому лет не меньше, чем мне. Но я думаю: хоть он уже совсем стар, а от него польза для жизни.

— Я не понимаю, — сказала Наташа.

— А что тут понимать! — рассердился дед. — Чёлн этот весь истлел, а в каждой щели цветок растёт. Смотрю

ему теперь всё нипочём (разг.) — tal on nüüd kõik ükskõik

я на него и думаю: «Может, и от меня, старика, тоже для жизни какая-нибудь польза будет. Вот и стараюсь. Ты седины не бойся. Главное, чтобы сердце у тебя было в исправности. Правильно я сказал или нет?

— Правильно, — ответила Наташа и засмеялась.

Подошёл лесничий. Дед встал и пошёл запрягать лошадь. Лесничий был суров, смущён. Он спросил Наташу, как она спала, выпила ли утром молока, и замолчал.

— Мы не опоздаем? — спросила Наташа.

— Не думаю, — ответил лесничий, покраснел и добавил: — Дело в том, что я не поеду.

Наташа изумлённо молчала.

— Да, не поеду! — повторил лесничий. — Без меня тут может лес погибнуть. Сам сажал, жалко.

— Я понимаю, — сказала Наташа.

— В общем, мне здесь будет лучше, чем в Крыму. Жаль только, что пропала путёвка. Ну да что поделаешь! А к вам большая просьба: передайте мой чемодан деду, он привезёт.

— Ну что ж, — сказала Наташа и вздохнула. — Я даже вам завидую. Прощайте!

И она робко пожала руку лесничему.

Широкая радуга стояла над лесами: там где-то за озером шёл небольшой дождь. Радуга показалась Наташе входом в те таинственные края, где хозяйничают Пётр Матвеевич и дед и кричат на рассвете журавли.

Далеко среди зарослей блеснула светлая вода. Неужели это озеро? Наташа высунулась из окна и долго смотрела на блеск воды среди листвы, на радугу, и у неё сжалось сердце: если бы можно было остаться здесь до самой осени!

чтобы сердце было в исправности — et süda oleks korras

дело в том... — asî seisab selles..

ну что ж! — egas midagi!, hästi!

НА ШИРОКОМ ПРОСТОРЕ

1.

Лена должна была сойти на разъезде и, проснувшись, вдруг испугалась, что поезд там не остановится. Однако проводница успокоила её: — Стоянка — одна минута, сойдите. А вы что, жить туда?

— Я студентка, — сказала Лена. Ей очень нравилось, что она студентка. — Я еду на практику в совхоз.

— Совхоз? — задумчиво повторила проводница. — Где же он там? Может, вот те беленькие домишки? — поглядела она в окно.

— Может быть, — ответила Лена. — Я сама пока ничего не знаю.

Показался разъезд: водокачка, рощица из тополей и широкий деревянный дом. Лена едва успела спрыгнуть с подножки, как поезд тронулся. В стороне от железной дороги, прямо среди степи, под солнцем, стояло десятка полтора побелённых одинаковых домиков.

Несмотря на ранний час, солнце уже начинало припекать. Лена не спеша дошла до белых домиков и у первого же встречного спросила, жмурясь от солнца, где директор.

— Николай Васильевич?

— Да. Товарищ Буров.

Человек поглядел на Лену и неопределённо махнул рукой.

— В степи, где же ему быть, Николаю Васильевичу! Каждый день по степи ездит с утра до вечера.

Лена побродила, скучая, по двору усадьбы, постояла око-

рощица (уменьш.)

— (metsa) salu

усадьба (род. мн. усадеб)

— majand

ло гаража, в котором трое парней ремонтировали грузовик, поглядела, как выгружают привезённых откуда-то ягнят, и вышла за ворота.

Было жарко. Большая чёрная собака подошла к ней, обнюхала туфли.

Лена сказала сердито:

— Ну, иди, иди. Нечего тебе тут.

Собака отошла и развалилась в тени забора. Девушка вернулась в усадьбу, села на крылечко директорского домика и стала терпеливо ждать возвращения Бурова.

«Да, невесело, должно быть, здесь, — думала она, глядя на пустынный двор. — Даже глазу остановиться не на чем. Вот у нас на Смоленщине: выйдешь за околицу — лес, поля, народ кругом, соседние деревни виднеются...»

Мысли её постепенно перенеслись в Москву. Сейчас ещё только начало марта, и в столице много снега, все ходят в тёплых пальто и калошах, а здесь уже стоит жара — такая в Москве бывает лишь в середине лета. Ещё в институте Лене рассказывали, что степь однообразна и скучна и, кроме невыносимой жары, там ничего нет. А сам Буров, будто бы одинокий злой человек, мучает практикантов, заставляет работать с утра до позднего вечера.

Вспомнив обо всём этом, Лена с сомнением покачала головой. Если много интересной работы, а работа овцевода не могла быть неинтересной, — то когда же скучать? Нет, рассказы эти определённо противоречивы.

Она не боялась, что ей предостойт много дела. Правда, пока получилось не совсем так, как она предполагала. Уже сегодня, думалось ей, Буров встретит её и завалит всевозможными поручениями, а его даже не оказалось в совхозе.

развалиться* (разг.)

крылечко (уменьш.)

Смоленщина

околица

овцевод

определённо

— pikali heitma

— välistrepp

— Smolenskima

— külatara, külavärad

— lambakasvataja

— (on kindlasti)

И вид самой усадьбы, которую она терпеливо обошла кругом, не внушал особого доверия: на этом просторном, безлюдном, сонном дворе, кажется, и не может происходить ничего интересного и увлекательного.

Всё это несколько смутило Лену, и теперь, сидя на крыльце директорского дома, она тщетно пыталась представить себе, что же её в конце концов здесь ожидает.

Девушку начало клонить ко сну, когда к крыльцу в темноте подъехал автомобиль и из него устало вылез человек, которого Лена сперва приняла за шофёра, и только когда он стал взбираться на крыльцо, догадалась, что это Буров. Лена вскочила, протёрла кулаками глаза и сказала:

— Прибыла в ваше распоряжение.

— Очень приятно, — ответил Буров, проходя в дом, и по тому, как он произнёс это — небрежно и даже сердито, — Лена, вздохнув, поняла, что ему, наоборот, очень неприятно.

Николай Васильевич Буров, кандидат сельскохозяйственных наук, был невысоким, коренастым человеком с чисто выбритой головою и потемневшим от степного загара, обветренным лицом, с которого, кажется, никогда не сходило озабоченное выражение. Одет он в сапоги, куртку и в чёрные грубошёрстные галифе. В этой одежде его действительно легко принять за шофёра.

— Да чего же вы там встали в дверях? Идите сюда, в комнату, — сказал Буров и тут же спросил: — Вы где родились?

Он включил радиоприёмник и стал ловить Москву. Понеслись писк, треск, обрывки каких-то музыкальных фраз, а потом всё это исчезло и раздался звучный, счастливый женский голос:

«Он ничего не сказал. . . Душа и сердце всё ещё скрыты от меня, но отчего же я чувствую себя такою счастливою?».

Буров, прислушиваясь, отошёл на цыпочках в сторону,

скинул куртку и, засучив рукава рубашки, принялся умываться.

— Я родилась в деревне Старые Вержи Смоленской области, — сказала Лена, тоже прислушиваясь к радио.

— Тсс... — Буров предостерегающе поднёс к губам палец. — Какой это спектакль?

— «Дядя Ваня». Это МХАТ.

— А-а, — протянул он и улыбнулся. — Прекрасный спектакль... Ну, ладно рассказывайте. Так, вы там жили до института.

Лена утвердительно кивнула.

— В колхозе работала, на ферме, с овцами.

— А-а, — Буров, вытираясь полотенцем, с интересом поглядел на неё. — Это уже неплохо.

Городских студенток он не любил, считал, что из них всё равно никогда не выйдет хорошего каракулевода: трусят они далеко из города уезжать, а настоящему каракулеводу надо жить в степи, с чабанами.

— Будете работать со мной.

— Я очень рада.

— Радоваться тут особенно нечему. Подруги вам, наверное, уже рассказывали, что я изверг, деспот и тому подобное?

— Рассказывали, — чистосердечно призналась Лена.

— Кто? Тося?

— Да.

Каракулевы шубки Тося ещё сумеет носить, а вот вырастить каракулевую овцу — не сможет. Она у меня тут в прошлом году больше страдала от «невыносимой жары», чем работала.

«А я выращу, я сумею, — подумала Лена. — Обо мне вы этого не скажете. Я уже растила овец. И жары я не испугаюсь. Ничего не испугаюсь».

МХАТ = Московский художественный академический театр имени М. Горького

каракулевод

— karakullikasvataja

— Вот вам щипцы, вот вам журнал, — продолжал тем временем Буров. — Завтра в шесть часов выезжаем в степь.

— Хорошо, — сказала она.

— Стойте! Куда же вы? Чаю хотите? Нет? А со щипцами обращаться умеете? Этими щипчиками мы пробиваем ягнтям уши, вставляем туда серьги с номерами, а номера записываем в журнал. Всё это будете делать вы, я покажу как. Зайдите в соседний дом, к завхозу, он вам даст комнату. Ну, спокойной ночи.

2.

И вот наступило утро.

Буров ходит взад и вперёд возле дома, в котором поселилась практикантка, и с негодованием поглядывает на окошко, задёрнутое занвеской. Лена ещё не просыпалась, а давно уже надо быть в степи.

У крыльца стоит автомобиль с брезентовым верхом. Шофёр Вася в такой же, как у Бунова, куртке, насквозь пропахшей бензином, навалился грудью на руль, подпёр щеку кулаком и что-то меланхолично насвистывает. Днём, в самую жару, они с Буновым снимают куртки и ездят в одних рубашках.

— Ну вот! — говорит Буров, с горечью разводя руками. — Как всегда, Николай Васильевич, — сочувственно отзывается Вася. — Тосю в прошлом году, если помните, до восьми часов иной раз не могли добудиться.

Буров сердится и смотрит на часы: — Ну-ка, погуди!

Вася, улыбаясь, нажимает на клаксон. Автомобиль долго оглушительно ревёт.

пропахнуть* (-ну, -нешь; -пах)	— <i>mingi lõhnaga läbi imbuma</i>
меланхолический	— <i>melanhoolne, kurvameelne</i>
добудиться*	— <i>(vaevaga) üles äratama</i>
погудеть* (-гужу, -гудишь)	— <i>(veidi aega) (auto)signaali andma</i>
клаксон	— <i>autosignaal</i>

Проходит ещё несколько минут. Наконец Лена появляется на пороге с журналом и щипцами под мышкой. Она в серенькой трикотажной кофточке, а вместо юбки на ней байковые лыжные штаны. Руки у неё засунуты в карманы штанов и от этого она похожа на озорного мальчишку. Лена щурится от яркого тёплого солнца, бьющего ей в глаза, и смеётся. Буров холодно и сердито оглядывает девушку.

— В следующий раз будьте любезны не опаздывать, — говорит он.

Солнце уже высоко поднялось над краем степи, и, когда они проезжают по двору усадьбы, белые стены построек, обращённые к восходу, сверкают так ослепительно, что на них больно смотреть.

Машина вырывается на широкий бескрайний простор, и скоро крыши усадьбы, высокие тополя и водокачка разъезды скрываются из глаз, и вокруг не остаётся ничего, кроме степной травы, солнца и тёплого ветра.

Они долго едут молча. Лена притаилась, считая себя виноватой. Буров сердится, что поздно выехали, и только Вася, насвистывая что-то, сидит с таким видом, словно ему ни до чего нет дела. Вася возит Бурова по степи четвёртый год. Он очень любит выезжать с ним в район, на совещания, где можно похвалиться перед другими шофёрами тем, что в совхозе выведены новые, не существовавшие ранее породы каракулевых овец.

— Мы своими руками переделываем природу, — заявляет он в этих случаях. — Обогащаем местную фауну, то есть мир животных.

бить в глаза

вырываться, вырваться* (-вусь,
-вешься)

скрываться, скрыться* (скроюсь,
скроешься) из глаз

притаиться* (-аюсь, -аишься)

выводить (-вожу, -водишь), вы-
вести* (-веду, -ведешь)

— teravalt silma paistma

— välja rabelema, välja pääsema

— kaduma silmist, vaatepiirilt kaduma

— end varjama, peitma, püüda
märkamatuks jääda

— aretama

Наконец Вася находит повод для разговора.

— Смотрите, — обращается он к Лене, — какие у нас с Николаем Васильевичем ручные журавли.

Машина уже свернула в сторону и скоро с рёвом проносятся недалеко от длинноногих, огромных птиц, доверчиво и степенно разгуливающих по степи.

— Ещё немного, и они у меня с ладони будут клевать, — сообщает Вася.

— Не успеешь, — Буров мечтательно щурится. — Скоро они улетят на север, в Россию.

— А вас никогда не тянет в Москву? — нерешительно спрашивает Лена, чтобы поддержать разговор.

Буров долго не отвечает, словно не расслышав её вопроса. Как ответить? В Москве он родился, вырос, там живёт его мать. Москва ему дорога и близка, как не может быть дорог и близок никакой другой город на всём свете. Но здесь, в степи, у него работа. Он принял совхоз двенадцать лет назад, чтобы на практике доказать то, что в те времена считалось ещё очень спорным, — необходимость научного, систематизированного отбора и размножения животных. Он много и с увлечением трудился. Он доказал. Теперь все овцы в совхозе безупречной породы, и отсюда, из совхоза, идёт самый лучший чёрный каракуль. И ему интереснее, важнее быть здесь, в степи.

— Расскажите мне о Москве, — тихо говорит Николай Васильевич после долгого молчания.

Лена принимается рассказывать всё, что приходит ей в голову: на улице Горького посажены липы; на Пушкинской площади, напротив «Известий», разбит красивый сквер; на Смоленской и около Устьинского моста построены высотные дома...

Он слушает её, покачивая головой, как человек, который давно предвидел, что так именно и будет.

— А в театрах? — спрашивает он. — Что нового в театрах?

На горизонте показываются гурты овец. Они темнеют в степи ровными квадратами. По углам этих квадратов, опершись на палки, стоят чабаны, все лицом к дороге, и глядят на машину.

— Вот и Нарбай-баба, — весело говорит Вася.

Лена видит войлочные юрты чабанов и мчащихся со всех сторон навстречу машине огромных мохнатых собак.

Около юрты лежат два верблюда. Верблюды очень важные и сонные, они даже не шелохнулись, когда к ним подъехал автомобиль, и продолжали дремать, полуприкрыв глаза.

Собаки обнюхивают колёса автомобиля и нехотя отходят в сторону. Вид у них явно сконфуженный. Этот автомобиль знаком всем собакам не меньше, например, той юрты, из которой сейчас вышел, улыбаясь, высокий, прямой старик. Он направился навстречу приехавшим, легко ступая длинными ногами, обутыми в порыжевшие от времени сапоги. Это Нарбай-баба Дусматов — самый знаменитый пастух в совхозе. У него такая белая борода, что когда он, здороваясь, дотронулся до неё свободной рукой, Лена невольно стала следить, не выпачкает ли он бороду смуглыми пальцами.

Трое парней в длинных белых рубахах, его сыновья, позвав собак, выгоняют из кошара сотню овец с ягнятами. Овцы теснятся, толкаются, кидаются в стороны, но собаки бесцеремонно подталкивают их плечами и мордами, и весь этот суетливый и шумный поток скоро втискивается в ворота кутана. Туда же входят приезжие и пастухи.

Овцы, сгрудившись, положив друг на друга морды, тревожно глядят на людей. Около их ног вертятся курчавые, чёрные, как сажа, ягнята.

рыжеть, порыжеть* (-ею, -еешь)

кошара

кутан

тревожный

— ruskeks muutuma

— lambalauf; varjualune; lambakoppel

— (õlgedest, hagudest, ümarik, ülespoole kitsenev, pealt lahtine, puuvärvavaga) onn

— rahutu, ärev

— Какие новости? — спрашивает Николай Васильевич, усаживаясь посреди кутана на низенькую скамеечку, которую они с Васей возят с собой в машине.

— Плохие новости, — быстро взглянув на него, говорит Нарбай-баба и осторожно вздыхает.

Николай Васильевич удивлённо поднимает брови.

— В чём дело?

Нарбай-баба сокрушённо качает головой.

— Старик Альмадат ушёл в степь за козами и ещё не вернулся.

— Когда ушёл?

— Вчера. Солнце уже садилось. Я послал к Чёрной балке двух сыновей.

Альмадат, бригадир, пасёт соседнюю отару. Он криклив, мал ростом. Альмадату давно уже перевалило на восьмой десяток, и пока его знает Николай Васильевич, а знает его он двенадцать лет, ещё ни одного разговора не обошлось без того, чтобы старик не пожаловался на свои больные ноги, которые, если верить ему, совсем отказываются ходить. Тем не менее он ни за что не хочет слышать ни о докторгах, ни о том, что ему давно пора на покой.

— Что делать? Что делать? — трагически восклицает Нарбай-баба.

— Гм... — говорит Буров, исподлобья, смотря на него. — Давай-ка лучше начнём. Ничего с ним не случится, придёт.

Чабаны давно уже стоят недалеко, держа в руках по ягнёнку.

— Ну-ка, посмотрим, что принёс нам сегодняшний день! — оживлённо произносит Николай Васильевич.

Он берёт ягнят в руки, высоко поднимает над головой, осматривает и одного передаёт Лене, другого возвращает чабанам.

низенький (уменьш.)=низкий
сокрушённый
ноги отказываются ходить
пора на покой

— kurb, nukker, masendatud
— jalad ütlevad üles
— on aeg minna puhkusele

Щипцами Лена пробивает ягням уши и вставляет туда плоские серьги с номерами. Делает она это неумело, пальцы её пачкаются в крови, она брезгливо морщится.

Жизнь ягнят, которые не попадают к Лене, можно считать уже конченной. За ними скоро придёт грузовик и увезёт их в совхоз: Буров отобрал их на шкурку.

— Вот, пожалуйста, — обращается Николай Васильевич к Лене, показывая ягнёнка. — Правнук Степного-первого, нашего знаменитого барана. Все его потомки, — а их больше тысячи, — как правило, до двадцати дней сохраняют великолепный блеск, шелковистость.

— Возьми-ка его под наблюдение, — говорит Буров, передавая ягнёнка Лене.

3.

Они едут от отары к отаре.

Лена присматривается ко всему почти с детским любопытством. Степь уже не кажется ей пустынной и скучной.

Всюду их ждут с нетерпением. Чабаны несут Бурову ягнят и потом, не скрывая волнения, дожидаются, какую он даст им оценку. Бригадиры соревнуются между собой, каждому хочется, чтобы у него ягнята были лучше, чем у других, и надо видеть, как огорчаются чабаны, когда узнают, что лучше всех пока идёт дело всё-таки у Нарбай-бабы.

А в бригаде Альмадата царит полное уныние.

— Было темно, он страшно ругался, — рассказывают чабаны. — Потом взял палку и ушёл.

— А про ноги вспоминал? — спрашивает Вася.

— Вспоминал. Кричал, что они совсем отказались ходить. Как всегда.

— И ушёл! — Вася восхищённо прищёлкивает языком.

— Надо было вернуть, — сердится Буров.

— Как же, попробуйте вернуть! — оправдывается один из чабанов. — Я побежал, так он на меня палкой.

шкурка (уменьш.)

блеск

шелковистость (ж.)

— (loom) nahk, (karus) nahk

— läige

— siidjuus

Тем не менее здесь всё приготовлено к приезду директора, и Буров хвалит чабанов: хороши ягнята.

— Жалко, нет Альмадата, — говорит он, — а то бы старик порадовался сейчас.

— Что же с ним случилось? — с тревогой спрашивает Лена.

На этот вопрос никто не может ответить. Ясно лишь одно: скоро сутки, как его нет.

— Тигры, может... — раздумчиво говорит Вася и косится на Букова. — На днях один совсем близко к совхозу подходил.

Лена со страхом и негодованием глядит на него.

— Тигры? — дрогнувшим голосом спрашивает она.

— Ну да, полосатые, — отвечает Вася.

Буров, не вытерпев, машет рукой.

— Слушайте вы его, болтуна! Какие тут тигры!

Вася хохочет. Лена смущается и краснеет.

Если не принимать во внимание истории с исчезновением Альмадата, дела всюду обстоят очень хорошо.

В полдень они заезжают на сыроваренный пункт.

Делать здесь им нечего, но хочется спрятаться от жары.

Всех мучает жажда. Сыроваренный пункт расположен в глубокой балке среди степи. Здесь из жирного овечьего молока готовят сыр, брынзу и сливки.

Машина останавливается посреди балки, и несколько минут спустя приехавшие уже располагаются за столом в длинном прохладном чистом сарае.

Лена поражена тем, что в степи неожиданно обнаружился настоящий сыроваренный завод, который тоже принадлежит совхозу. Ещё в начале своего путешествия по степи она решила непременно провести несколько дней с чабанами. Теперь у неё возникает желание пожить и на сыроваренном пункте.

раздумчивый (разг.)

вытерпеть* (-плю, -пишь)

сыроваренный

— mõtlik, mõtteisse süvenenud

— välja kannatama; maldama; end taltsutama

— juustu- (punkt, vabrik)

Буров рассказывает об Альмадате.

Однажды, когда Альмадат привёл овец на одно из пастбищ, оказалось, что единственный колодец обвалился и воды нет. Это грозило гибелью всей отаре. Овцы, изнурённые большим перегонном, стали заболеть. Пастухи принялись откапывать колодец. Первым туда спустился Альмадат. Перед этим, чтобы узнать, есть ли в колодце воздух, он опустил пучок травы. И только когда убедился, что трава не завяла, велел обвязать себя верёвкой и спустить на дно. Они проработали целые сутки, сменяя друг друга и вытаскивая землю ведрами. На следующий день колодец был отремонтирован и наполнился водой. Пастухи подняли первое ведро и хотели напиться. Но Альмадат вдруг отстранил их. «Я старше всех вас, — сказал он. — Я первый спустился в колодец и имею право первый пить воду». Он зачерпнул из ведра полную кружку и выпил её глоток за глотком. Пастухи не понимали, почему он так поступил. Решили — от жадности. А ему надо было испробовать воду. Ведь неизвестно, отчего обвалился колодец, а Альмадат был бригадиром, он отвечал и за людей и за отару.

— К счастью, вода была чиста, — проговорил Буров и задумался.

Этот рассказ поразил Лену. Альмадат вдруг предстал в её воображении как необыкновенно мужественный, сильный и красивый человек: «Вот какие люди живут здесь! — с восхищением думает она. — Как хорошо, что я поехала сюда! Я много ещё услышу рассказов о таких людях и многому научусь у них».

— Что же с ним теперь случилось? — с волнением спрашивает Лена.

Буров пожал плечами.

— Ничего с ним не случится, — вмешивается в разговор Вася. Вот увидите.

отстранять, отстранить* (-ню, -нишь)

— eemale, kōrvale tōukama

— Хорошо бы, хорошо бы... — задумчиво говорит Буров.

Но не успевают они отъехать от сыроваренного пункта и двух километров, как встречают сыновей Нарбай-бабы, ходивших к Чёрной балке. Парни возвращаются ни с чем. То же вскоре сообщили и чабаны Ташбая, приехавшие с розысков на попутном грузовике. Исчезновение Альмадата становится таинственным. Даже Вася начинает нервничать.

— Придётся вызывать из Самарканда самолёт, — озабоченно отзывается Буров.

А весенний день в степи ещё тянется и тянется, бесконечно долгий и жаркий. Машина мчится от бригады к бригаде, от отары к отаре, и Лене начинает казаться, что ни этому солнечному дню, ни их поездке не будет конца.

4.

Домой они возвращаются, когда солнце, огромное и красное висит уже над самым горизонтом.

Теперь каждый предмет: камень, травинка, бугорок, отбрасывает на землю длинную, в несколько раз больше себя тень. Слабый ветерок пробегает, неуверенно шелестя травой, и кажется, что это земля дышит своей широкой грудью.

Мысли, чувства и впечатления, возникшие от поездки по степи, от общения с людьми, хозяйничающими на этом широком просторе, рождают у Лены сейчас бодрое ощущение большой, красивой, полной глубокого смысла жизни. И хочется тоже сделать что-нибудь хорошее, быть похожей на них, подражать им и работать вместе с ними.

А ну, глядите, вот Альмадат плетётся! — вдруг вскрикивает Вася.

Автомобиль мчится прямо на низкое ослепительное солнце, и никто, кроме Васи, долго ничего не видит. Вдруг чуть ли не перед самым радиатором словно из-под земли вырастает Альмадат со своими козами. Он подходит к автомобилю, еле передвигая ногами, устало улыбаясь и кла-

няясь. Козы смело следуют за ним, и одна из них даже пытается вспрыгнуть на крыло машины.

— Кш! — кричит Вася.

Сперва Николай Васильевич и Альмадат разговаривают по-таджикски. Буров говорит с упрёком, а старик — виновато улыбаясь и показывая то на коз, то на свои ноги. Лена с восхищением рассматривает этого маленького, смуглого, словно высушенного солнцем старичка.

— Вот-вот! — комментирует разговор Вася. — Ноги больные, а восемьдесят километров прошёл.

— Что ты понимаешь?! — по-русски кричит на него Альмадат. — Если у тебя пропадёт автомобиль, ты пойдёшь его искать? Пойдёшь? Ага! А мне они, — тычет он палкой в коз, — дороже твоего автомобиля!

— Ладно, садись. Поедешь со мной в совхоз, — говорит Буров. — А козы — никуда они не денутся. Тут уж недалеко. Мы за ними мальчишек пришлём.

Но Альмадат испуганно пятится.

— Нельзя. Это такие козы — не дай бог... Они опять уйдут, ещё дальше. А я ничего. Я пойду, посижу, опять пойду. Ничего... — говорит он, и Лене становится ясно, что в машину его не удастся затащить никакой силой.

И тут она неожиданно находит выход, который кажется ей очень простым и естественным. Мысль об этом явилась сама собой, как результат всего, что было увидено и прочувствовано в этот день. Она решительно вылезает из автомобиля.

— Я останусь с козами, — заявила она. — Что это, в самом деле! Он же едва на ногах стоит. — И, отобрав у Альмадата палку, подталкивает его к дверце, приговаривая: — Садись, садись, дедушка, поезжай.

Альмадат смотрит на неё, потом на Николая Васильевича и неуклюже, покорно лезет в автомобиль.

пс-таджикски

виновато

не дай бог! (разг.)

— tadžiki keeli

— süüdlaslikult

— jumal hoidku!

— Гоните вслед за нами! — кричит Буров, когда машина трогается. — Мы выйдем навстречу людям.

5.

Куда ни погляди, всюду степь, степь, и нет кругом ни жилья, ни деревца.

Лена шагает, помахивая палкой. Вокруг неё, толпясь, двигаются козы. Чуть впереди, независимо задрав бороду, выступает козёл, по всей вероятности зачинщик вчерашнего побега. Быть может, он и сейчас придумывает что-нибудь подобное?

Лена уже давно в пути. Сколько прошло времени, как уехали Буров, Вася и Альмадат? Час? Полтора? Её начинает беспокоить, что совхоза всё ещё не видно.

Солнце давно скрылось за горизонтом. Прохладные сумерки всё плотнее окутывают степь. В небе одна за другой загораются звёзды. Откуда-то начинает тянуть сыростью.

Лена останавливается, прислушивается. Кругом тишина. Только где-то совсем рядом переговариваются, устраиваясь на ночлег, журавли. Большая птица низко пролетает на самой землёй. Перед глазами Лены проносится её чёрная тень и скрывается во мраке, только слышен свистящий шум крыльев. Потом что-то вдруг начинает шуршать в траве. Лена вздрагивает. Змея? Козы жмутся к её ногам. Она вспоминает: Вася говорил, будто змеи весной не страшны. Но разве можно верить Васе?

В голову лезут мысли о том, что она заблудилась, что придётся ночевать в степи. Но главное — становится всё более холодно и... страшно.

Степь вдруг изменилась. Днём она была наполнена солнцем, жизнью, приветливо манила своими просторами. А теперь Лене кажется, что и отары, и юрты чабанов, и сыроваренный пункт — всё спряталось, исчезло, словно в сказке, и она осталась одна, а степь враждебно притаилась.

по всей вероятности
окутывать, окутать*

— töenäoliselt
— (millessegi) mähkima, peitma
katma

«Что же мне теперь делать?» — думает она, холодея от ужаса.

Вдруг где-то высоко над головой слышится ровный, спокойный гул. Он приближается, всё усиливаясь. Лена поднимает глаза к небу, долго водит ими по золотой россыпи звёзд и, наконец, видит три огонька — красный, белый и зелёный, передвигающиеся по небу. Над степью куда-то летит самолёт. И этот деловитый, спокойный гул, эти передвигающиеся по небу разноцветные огоньки сразу успокаивают её.

Не успевает затихнуть шум, едва огоньки теряются между звёздами, как новый гул, уже не в небе, а в самой степи, нарастая, несётся на Лену. Это поезд. Мелькают огни в окнах, и прожектор на лбу паровоза вдруг выхватывает из ночи несколько зданий, водокачку, рощицу тополей и снова кидает их в темноту. Лена радостно вскрикивает.

— Разъезд!

Она поспешно поднимает разлётшихся вокруг неё коз, гонит их туда, где показались тополя и водокачка, и скоро подходит к совхозу, который скрывался от неё в темноте за холмом.

Лена идёт мимо домиков. Окна распахнуты, в комнатах ярко горит электричество, слышны голоса людей. Какой же уютной, милой, приветливой кажется ей в эту минуту усадьба!

У ворот её встречает Вася.

— Где же ты пропала? — обеспокоенно восклицает он.

— С тиграми воевала, с полосатыми, — устало произносит Лена, останавливаясь.

Они тихо смеются.

— А мне, понимаешь, — говорит Вася, — Николай Васильевич, ещё как приехали, велел послать кого-нибудь за тобой, да я в гараже задержался.

И он кричит в темноту:

холодеть от ужаса
поспешно

— kangestuma, tarduma hirmust
— ruttu, kiiresti

— Саттар, не ходи! Она пришла сама!

— А козы? — сонно спрашивает кто-то со двора.

— Здесь.

— Ну, гони их. . .

Лена и Вася стоят недалеко от директорского домика. Буров настраивает радиоприёмник. Лена видит в окно его склонённую над столом фигуру. На диване, свернувшись калачиком спит Альмадат.

Буров подходит к окну и, увидев её, спрашивает:

— Ну как, не страшно было одной в степи?

— Нет, — говорит Лена.

— Молодец!

Лена передаёт Васе палку Альмадата и, пошатываясь от усталости, но чувствуя себя очань сильной и словно повзрослевшей за этот день сразу на несколько лет, идёт спать. И, уже лёжа в постели, впервые за весь день вспоминает она о том, что говорили ей в Москве о совхозе и о степи.

— Эх вы! — с упрёком говорит она. — Эх, вы! . .

Потом Лена вспоминает, как Буров, усмехаясь, сказал про Тосю, что она сумеет только носить каракулевые шубки, а каракулевую овцу ей ни за что не вырастить.

— А я приеду сюда, — с улыбкой говорит Лена, засыпая, — и много овец выращу. Много-много! Как окончу институт, так и приеду. И Бурова попрошу, чтобы он взял меня. . . Эх, вы! . .

Ночью ей снится всё то же, что было и днём: юрты, отары овец и ягнята, много курчавых, чёрных, как сажа, ягнят.

Александр Иванович Куприн

КУСТ СИРЕНИ

Николай Евграфович Алмазов едва дождался, пока жена отворила ему дверь, и, не снимая пальто, в фуражке прошёл в свой кабинет. Жена, как только увидела его расстроенное лицо со сдвинутыми бровями и нервно закушенной нижней губой, в ту же минуту поняла, что произошло очень большое несчастье. . . Она молча пошла следом за мужем. В кабинете Алмазов постоял с минуту на одном месте, глядя куда-то в угол. Потом он выпустил из рук портфель, который упал на пол и раскрылся, а сам бросился в кресло.

Алмазов, молодой офицер, слушал лекции в Академии генерального штаба и теперь только что вернулся оттуда. Он сегодня представлял профессору последнюю и самую трудную практическую работу — инструментальную съёмку местности. . .

До сих пор все экзамены шли благополучно, и только одному богу да жене Алмазова было известно, каких страшных трудов они стоили. . . Начать с того, что самое поступление в академию казалось сначала невозможным. Два года подряд Алмазов проваливался и только на третий упорный трудом одолел все препятствия. Не будь жены, он, может быть, не найдя в себе достаточно энергии, махнул бы на всё рукою. Но Верочка не давала ему падать духом и постоянно поддерживала в нём бодрость. . . Она приучилась встречать каждую неудачу с ясным, почти весёлым лицом. Отказывала себе во многом, чтобы создать для мужа необходимые удобства. Она была его переписчицей, чертёжницей и памятной книжкой.

сдвинутые брови
закушенный (разг.)

— kortsus kulmud
— hammaste vahele võetud, ham-
mustatud

инструментальная съёмка

— instrumentaalne kaardistamine

Прошло минут пять тяжёлого молчания. Алмазов сидел, не снимая пальто и шапки и отвернувшись в сторону... Вера стояла в двух шагах от него так же молча, со страданием на красивом, нервном лице. Наконец она заговорила:

— Коля, ну как же твоя работа?.. Плохо?

Он не отвечал.

— Коля, забраковали твой план? Ты скажи, вместе обсудим.

Алмазов быстро повернулся к жене и заговорил горячо и раздражённо.

— Ну да, забраковали. Неужели сама не видишь? Всю эту дрянь, — и он злобно ткнул ногой портфель с чертежами, — хоть в печку выбрасывай теперь. Вот тебе и академия! И всё это из-за какого-то пятна... О, чёрт!

— Какое пятно, Коля? Я ничего не понимаю.

— Ах, обыкновенное пятно, зелёной краской. Ты ведь знаешь, я вчера до трёх часов не ложился, нужно было работу закончить. План прекрасно вычерчен и раскрашен. Это все говорят. Ну, засиделся я вчера, устал, руки начали дрожать — и посадил пятно... Да ещё густое пятно... жирное. Стал подчищать и ещё больше размазал. Думал я, думал, что теперь из него сделать, да и решил на том месте деревья изобразить. Очень удачно вышло, и разобрать нельзя, что пятно было. Приношу сегодня профессору. «Так, так. А откуда у вас здесь кусты взялись?» Мне бы нужно было так и рассказать, как всё было. Ну, может быть, засмеялся бы только... Впрочем, нет, не рассмеётся — педагог. Я и говорю ему: «Здесь действительно кусты растут». А он говорит: «Нет, я эту местность знаю, как свои пять пальцев, и здесь кустов быть не может». У нас с профессором завязался крупный разговор. А тут ещё много наших офицеров было. «Если вы так утверждаете, говорит, что в

вычерченный

раскрашенный

посадить пятно

откуда... кусты взялись?

крупный разговор

— joonestatud

— värvitud

— tindiplekki tegema

— kust ... tekkisid põõsad?

— ebameeldiv sõnavahetus

этом месте есть кусты, то завтра же поедем туда верхом. . . Я вам докажу, что вы небрежно работали. . .»

— Но почему же он так уверенно говорит, что там нет кустов?

— Ах, почему? Какие ты детские вопросы задаёшь. Да потому, что он вот уже двадцать лет местность эту знает лучше, чем свой кабинет. Самый безобразнейший педант, какие только есть на свете. . . Ну и окажется, в конце концов, что я лгу.

Муж и жена долго сидели в тяжёлом раздумье, не произнося ни слова. Но вдруг Верочка энергично вскочила с кресла.

— Слушай, Коля, нам надо сию минуту ехать! Одевайся скорей.

Николай Евграфович весь сморщился, точно от физической боли.

— Ах, не говори, Вера, глупостей. Неужели ты думаешь, что я поеду оправдываться и извешаться.

— Нет, не глупости, — возразила Вера, топнув ногой. — Никто тебя не заставляет ехать с извинением. . . А просто, если там нет таких дурацких кустов, то их надо посадить сейчас же.

— Посадить?.. Кусты?..

— Да, посадить. Если уж сказал раз неправду, надо поправлять. Собирайся, дай мне шляпку. . .

Пока Алмазов, пробовавший было возражать, отыскивал шляпку, Вера быстро выдвигала ящики столов и комодов.

— Серьги. . . Ну, это пустяки. . . За них ничего не дадут. . . А вот это кольцо дорогое. . . Браслет. . . тоже дадут очень мало. Старинный и погнутый. . . Где твой серебряный портсигар, Коля?

самый безобразнейший
и окажется
не произнося ни слова
сию минуту
собирайся
погнутый

← kōige koledam
— ja selgubki
— lausumata sōnagi
— silmapilk, kohe
— sea end valmis
— kōveraks painutatud

Через пять минут все драгоценности были собраны.

— Едем, — сказала Вера решительно. е

— Но куда же мы поедem? — пробовал протестовать Алмазов. — Сейчас темно станет, а до моего участка почти десять вёрст.

— Глупости... Едем!

Раньше всего Алмазовы заехали в ломбард и, сдав драгоценности, получили около двадцати трёх рублей. Этой суммы было более чем достаточно.

Когда Алмазовы приехали к садовнику, наступила уже белая петербургская ночь. Садовник, чех, маленький старичок был очень изумлён и недоволен поздним появлением заказчиков и их необычайным заказом. На Верочкины настойчивые просьбы он отвечал очень сухо:

— Извините. Но ночью я не могу посылать в такую даль рабочих. Если хотите завтра утром — то я к вашим услугам.

Оставалось только одно средство: рассказать садовнику подробно всю историю с злополучным пятном, и Верочка так и сделала. Садовник слушал сначала недоверчиво, почти враждебно, но когда Вера дошла до того, как у неё возникла мысль посадить куст, он сделался внимательнее и несколько раз сочувственно улыбнулся.

— Ну, делать нечего, — согласился садовник, когда Вера кончила рассказывать, — скажите, какие вам можно будет посадить кусты?

Однако изо всех пород, какие были у садовника, ни одна не оказалась подходящей: волей-неволей пришлось остановиться на кустах сирени.

Напрасно Алмазов уговаривал жену отправиться домой. Она поехала вместе с мужем за город, всё время, пока сажали кусты, горячо суетилась и мешала рабочим и только тогда согласилась ехать домой, когда удостоверилась, что

дёрн около кустов совершенно нельзя отличить от растущей вокруг травы.

На другой день Вера никак не могла усидеть дома и вышла встречать мужа на улицу. Она ещё издали, по походке мужа, узнала, что история с кустами окончилась благополучно. Алмазов был весь в пыли и едва держался на ногах от усталости и голода, но лицо его сияло торжеством одержанной победы.

— Хорошо! Прекрасно! — крикнул он ещё за десять шагов. — Представь себе, приехали мы с ним к этим кустам. Уж глядел он на них, глядел, даже листочек сорвал и пожевал. «Что это за дерево?» — спрашивает. Я говорю: «Не знаю». — «Берёзка, должно быть?» — говорит. Я отвечаю: «Должно быть, берёзка». Тогда он повернулся ко мне и руку даже протянул. «Извините, говорит, меня, поручик. Должно быть, я стареть начинаю, если забыл про эти кустики». Славный он, профессор, и умница такой. Мне даже жаль, что я его обманул. Один из лучших профессоров у нас. Знания — просто чудовищные. И какая быстрота и точность в оценке местности — удивительно!

Но Вере было мало того, что он рассказал. Она заставляла его ещё и ещё раз передавать ей в подробностях весь разговор с профессором. Она интересовалась самыми мельчайшими деталями: какое было выражение лица у профессора, каким тоном он говорил про свою старость, что чувствовал при этом сам Коля...

И они шли домой так, как будто бы, кроме них, никого на улице не было: держась за руки и беспрестанно смеясь.

Николай Евграфович никогда с таким аппетитом не обедал, как в этот день... После обеда, когда Вера принесла Алмазову в кабинет стакан чаю, — муж и жена вдруг одновременно засмеялись и поглядели друг на друга.

— Ты — чему смеёшься? — спросила Вера.

дёрн
берёзка (уменьш.)
поручик

— kamar, rohumätas
— kask, kaseke
— leitnant (tsaariarmees)

— А ты чему?

— Нет, ты говори первый, а я потом.

— Да так, глупости. . . Вспомнилась вся эта история с сиренью. А ты?

— Я тоже, глупости, и тоже — про сирень. Я хотела сказать, что сирень теперь будет навсегда моим любимым цветком. . .

Тексты для чтения

К печати подготовили

Х. Майсте и Т. Ольтевская

Ответственный редактор Т. Кристал

Технический редактор Х. Митт.

Laduda antud 2. XII 1968. Trükkida antud 1. XII 1969. Paber 60×90¹/₁₆. Kohila paberi-
vabrik. Trükipoognaid 2. Tingtrükipoognaid 2. Trükiarv 5000. Te'limise nr. 4080.
MB nr. 09555. Trükikoda «Pärnutrükk», Pärnu, Hommiku tn. 4.

Hind 7 kop.

Копировано

HIND 7 kop.

A-623

23885

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00607932 3